

Е. Э. Войтишек, А. С. Шмакова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 6300090, Россия*

orient@lab.nsu.ru

РИТУАЛ «ЗАХОРОНЕНИЯ АРОМАТА» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ОТ ЛИТЕРАТУРЫ ДО ЭПИГРАФИКИ *

Ритуал «захоронения аромата» 埋香 (кит. *майсян*, кор. *мэхян*), в древности связанный с погребальным церемониалом, в дальнейшем существенно трансформировался. В китайской литературе с эпохи Тан (VII–VIII вв.) до середины эпохи Цин (XVIII–XIX вв.) нередко упоминается об этом явлении в значении «хоронить красавицу». В настоящее время этот термин в культуре благовоний обозначает метод поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел. В Корею данный ритуал, сформировавшись в эпоху Корё (X–XII вв.) под влиянием Китая, со временем приобрел специфические черты. Он представлял собой процесс закапывания в землю благовонной древесины агарового дерева или ее воскурения. При этом на месте захоронения благовоний воздвигали памятную стелу с иероглифической надписью. Подобные ритуалы были связаны с культом Будды Майтреи. В Южной Корее сохранилось около 20 таких эпиграфических памятников, изучение которых дает возможность реконструировать особенности ритуального и бытового поведения средневековых корейцев. Изучение специфики ритуала 埋香 и, шире, культуры благовоний предоставляет большие возможности для сравнительных исследований в разных областях знаний, включая историю, литературу, археологию, культурную антропологию, искусство, медицину.

Ключевые слова: Восточная Азия, культура благовоний, китайская литература, каменные стелы, ритуал 埋香 («захоронение аромата»).

В рамках сравнительного изучения литературоведческого, историко-этнографического, культурологического, эпиграфического и отчасти археологического аспектов культуры благовоний в Китае, Корее и Японии целесообразно предпринять попытку анализа такого феномена традиционной культуры Восточной Азии, как понятие «захоронение аромата» 埋香 (кит. *майсян*, кор. *мэхян*, яп. *майко*:)¹. С этой целью авторами работы были не только изучены письменные памятники и артефакты, представленные в крупнейших музейных коллекциях и арт-галереях традиционного искусства, парках и храмах Китая, Кореи, Японии, но и проведены полевые исследования – как в крупных городах типа Пекина, Гонконга, Сеула, Пусана,

* Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

¹ Попытки выявить следы данного явления в Японии не дали положительного результата. Представители национальных школ по изучению искусства благовоний из арт-галерей «Сё:эйдо:» (松栄堂), «Ко:сайдо:» (香彩堂) и «Ямада-мацу ко:бокүтэн» (山田松香木店), весьма авторитетных центров традиционной культуры в Киото, подтвердили отсутствие данной традиции на Японских островах.

Мокпо, Токио, Сэндая, Киото, так и в отдаленных сельских районах КНР, Республики Корея и Японии².

В настоящее время термин 埋香 («захоронение аромата») используется в культуре благовоний Восточной Азии в узком значении – как метод поджигания ароматического порошка в сосуде с последующим его закапыванием в пепел³. Суть этого приема заключается в том, что мастер делает углубление в специально подготовленном пепле, насыпанном в керамической или бронзовой курильнице, затем помещает внутрь ямки или канала ароматический порошок и поджигает его, следя при этом за притоком воздуха для обеспечения качественного горения ароматического сырья. При соблюдении всех условий из-под пепла выходит струйка ароматного дыма, длительное воздействие которого, как считается, благотворно влияет на физическое и нравственное здоровье участников ритуала.

Выражение 埋香 *майсян* (букв. «закопать аромат») в художественной прозе и поэзии Китая с давних пор используется в значении «хоронить красавицу», «хоронить прекрасную молодую женщину». Обратимся к некоторым примерам. Известный литератор Ли Хэ 李贺 (791–817), входящий наряду с Ли Бо и Ли Шаньинем в тройку знаменитых поэтов-романтиков эпохи Тан (VII–X вв.), в стихотворении «Уличный барабан»⁴ (官街鼓), посвященном размышлениям о бренности мирской славы и тщетных попытках некоторых правителей и монахов найти средство, дарующее бессмертие, писал:

汉城黄柳映新帘， Ханьчэн хуанлю ин синь лянь，
柏陵飞燕埋香骨。 болин фэйянь май сяngu.

«Весенняя ива в Чанъани искрится новой листвой⁵,
в императорской усыпальнице похоронили Фэйянь».

Здесь речь идет о знаменитой наложнице 10-го (если считать и Люй-хоу) ханьского императора Чэн-ди (даты правления 33–7 гг. до н. э.) по имени Чжао Фэйянь⁶. Красавица Чжао по прозвищу «Летящая ласточка» занимала настолько заметное положение при дворе, что после своей кончины была похоронена в императорской усыпальнице⁷. Выражение 埋香骨 *май сяngu* (букв. «закапывать ароматные кости») выступает изящным эвфемизмом в значении «хоронить останки госпожи Чжао».

Поэт У Вэньин 吴文英 (1200–1260), живший при династии Южная Сун, в эссе «К плачу иволги» (莺啼序), произведении, известном еще под названием «Башня Фэнлэ» (丰乐楼), писал:

² В данной статье использованы материалы поездок авторов в Китай, Республику Корея и Японию в период 2010–2015 гг. (в том числе в рамках работы по грантам РФФИ и РГНФ).

³ См. пример приема «захоронения аромата» в одном из китайских клубов по изучению культуры благовоний: <http://www.youtube.com/watch?v=VJ0K06ACVzk> (дата обращения 13.12.2015).

⁴ Стихотворение написано в жанре «древних стихов» 古诗 *гуши*, состоит из пяти строф по две группы семисловных сентенций. Перевод Е. Э. Войтишек.

⁵ Город Чанъань (ныне Сиань), основанный при династии Западная Хань, еще назывался Ханьчэн, что дословно означает «Ханьский город». Образ желтой ивы знаменует собой весенний сезон, когда распускаются новые почки. По мнению некоторых комментаторов, это намек на скорую смену династии, на обновление жизни см.: <http://baike.baidu.com/view/1124429.htm> (дата обращения 30.01.2016).

⁶ Жизни Чжао Фэйянь посвящено знаменитое сочинение Лин Сюаня, литератора I в. н. э. (см.: [Частное жизнеописание..., 1973]).

⁷ Возле императорских усыпальниц по традиции сажали сосны и кипарисы – отсюда и образное выражение 柏陵 *болин* (букв. «кипарисовый могильный холм»). Однако в эпоху Западной Хань, когда жила Чжао Фэйянь, это выражение можно было понимать буквально. Внутримогильные конструкции императорских захоронений выкладывались из квадратных (10 на 10 см) в сечении брусков кипариса длиной около 1 м каждый, из таких же «шпал» сооружалась и насыпь над перекрытием погребения, образуя после засыпки землей могильный холм [Варенов, Борисов, Ибрагимова, 2016. С. 206].

别后访、六桥无信，事往花委，瘞玉埋香，几番风雨。

Бе хоу фан, люцяо у син, ши ван хуа вэй, и юй майсян, цзи бань фэн юй.

«...Когда-то прежде, испытал боль расставания, я бывал уже в местечке у Шести мостов⁸. Как ни старался, ничего не мог разузнать о той прекрасной деве. Прошлое рассеялось как дым, весенние цветы завяли. Похоронена чудесная яшма и закопан прекрасный аромат. Беспощадный дождь и безжалостный ветер стерли все следы...»⁹.

В данном случае выражение 埋香 *майсян* тоже подразумевает красавицу, безвременно ушедшую из жизни.

Очевидно, что писатель У Вэньин, живший в эпоху Сун, на которую приходится расцвет культуры ароматов в Китае, как истинный представитель когорты интеллектуалов 文人 в *эньжэнь* хорошо разбирался не только в поэтических метафорах, но и в тонкостях использования благовоний и ароматического сырья. На это указывает то, что в самом начале своего эссе автор, размышляя о невзгодах, выпавших на его долю, пишет, что однажды в холодный день в конце весны, изрядно выпив вина, он зажег в курильнице ароматные курения алойного дерева 沉香 *чэньсян*¹⁰ и, крепко закрыв ставни и двери, ведущие на женскую половину дома, сделанные из роскошной древесины того же дерева, стал предаваться воспоминаниям и размышлениям.

Литератор Вэй Сюэжэнь 魏秀仁 (1819–1874) эпохи Цин в своем любовно-бытовом романе в 52 главах «След цветов и луны» (花月痕), известном также под названием «Судьба цветов и луны» (花月因缘), обратился к теме несчастной доли девушек-певичек из веселых домов. Так, в 41-й главе произведения он пишет:

名花证果知何日？蔓草埋香有旧盟。

Мин хуа чжэньго чжи хэ жи? Маньцао майсян ю цзю мэнь.

«Когда же исполнится мечта простой певички о нормальной семье? Сможет ли она покончить со своей непутовой жизнью и выйти замуж? А ее любимый не сдержал своего обещания, и ей остается только умереть»¹¹.

Цзи Юнь 纪昀 (1724–1805), выдающийся писатель и государственный деятель династии Цин, известный своим активным участием в составлении авторитетных книжных каталогов для императорской библиотеки¹² и ряда филологических исследований, прославил свое имя также и сборником рассказов «Заметки из хижины Великое в малом» (阅微草堂笔记). Несколько сотен зарисовок и историй в жанре «записок кистью» (笔记小说 *бицзи сяошо*) из этого собрания можно считать фактом литературы и одновременно этнографическими наблюдениями, психологическими этюдами. При известной дидактической направленности этих заметок «о необычайном», где зачастую фигурируют бесы, лисы и оборотни, нетрудно выделить зарисовки информационного и даже научного характера.

⁸ Шесть мостов 六桥 *лю цяо*. Имеется в виду дамба за озером Сиху (г. Ханчжоу, пров. Чжэцзян), которая соединяет шесть мостов: Чжаобо (Сияющая рябь), Солань (Щепь из волн), Ваншань (Далекie горы), Яди (Прижатая плотина), Дунпу (Восточный берег), Куахун (Нависшая над мостом радуга). Это место связано с деятельностью поэта, живописца и каллиграфа Су Ши, или Су Дунпу (1037–1101).

⁹ Перевод Е. Э. Войтишек. Дается по тексту, представленному в двух вариантах – на вэньяне и байхуа. См.: Произведение «К плачу иволги» сунского поэта У Вэньина [宋 吴文英 《莺啼序》]. URL: <http://baike.baidu.com/view/2790331.htm> (дата обращения 30.01.2016).

¹⁰ Алойное дерево 沉香 *чэньсян* (букв. «тонущий аромат») имеет много названий. Самые известные из них – аквилария, агаровое дерево, орлиное дерево, тонущее дерево. Имея множество применений в разных областях, это ароматическое растение составляет ядро культуры благовоний в странах Восточной Азии.

¹¹ Перевод Е. Э. Войтишек. См. о литературных примерах использования понятия 埋香 *майсян* (букв. «захоронение аромата»): <http://baike.baidu.com/view/3297986.htm> (дата обращения 15.01.2016).

¹² «Каталог Полного свода четырех сокровищниц» (四库全书), «Сборник резюме книг, входящих в Полный свод» (四库全书总目提要).

Текстологический и содержательный анализ некоторых историй показывает, что Цзи Юнь, создававший свое произведение в конце XVIII в., когда культура благовоной была чрезвычайно востребована, тоже был хорошо знаком с традиционным понятием 埋香 *майсян* в значении «хоронить красавицу». Так, в разделе «Записи, сделанные летом в Луаньяне» (溧阳消夏录) в заметке про студента У из Нинбо, которому лиса толкует о бренности мира и неизбежных превращениях любой женщины, писатель виртуозно использует эту метафору: «...чтобы оборвать любовную встречу, зарыть в землю нежный аромат, похоронить красавицу яшму, разлучить любящую пару – на все это нужно лишь одно мгновение!..»¹³.

Еще в одном разделе этого собрания «Так я слышал» (如是我闻) Цзи Юнь мастерски обыгрывает понятие 埋香 *майсян* в истории с молодой женщиной, которая после смерти превратилась в духа. Позволим себе привести полностью этот рассказ в силу его лаконичности и выразительности.

山东刘君善谟，余丁卯同年也。以其黠巧，皆戏呼曰刘鬼谷。刘故诙谐，亦时以自称。于是鬼谷名大著，而其字若别号，人转不知。乾隆辛未，僦校尉营一小宅，田白岩偶过闲话，四顾慨然曰：此凤眼张三旧居也，门庭如故，埋香黄土已二十余年矣。刘骇然曰：自卜此居，吾数梦艳妇来往堂庑间，其若人乎？白岩问其状，良是。刘沉思久之，抚几曰：何物淫鬼，敢魅刘鬼谷，果现形，必痛拏之。白岩曰：此妇在时，真鬼谷子，捩阖百变，为所颠倒者多矣。假鬼谷子何足云？京师大矣，何必定与鬼同住？力劝之别徙。余亦尝访刘于此，忆斜对戈芥舟宅，约六七家。今不得指其处矣。

«В Шаньдуне жил один человек по имени Лю Шаньмо, я вместе с ним держал экзамены в 12-м году правления Цяньлуна¹⁴. Так как он был смысленый и ловкий, то все его в шутку называли «Лю из долины бесов». Господин Лю чуть что сразу начинал шутить, даже частенько сам себя тоже называл «Лю из долины бесов», поэтому слава о нем распространилась далеко. При этом как-то само собой получилось, что его настоящее имя постепенно забылось.

В 16-й год правления Цяньлуна¹⁵ он снимал небольшой домик в военных казармах в южной части района Чжушикоу. Как-то к нему случайно зашел его приятель Тянь Байань поболтать о том, о сем. Осмотревшись вокруг по сторонам, тот с сожалением вздохнул: «Оказывается, здесь когда-то жил кто-то с глазами, как у феникса! Во дворе сейчас все по-старому. Раньше здесь жила одна красавица, но она уже умерла более двадцати лет назад»¹⁶. Лю Шаньмо испуганно сказал: «С тех пор, как я здесь живу, мне много раз снилось, что я вижу тень молодой женщины, проходящей под навесом крыши. Так неужели это она?..».

Байань навел справки о том, как выглядела та молодая женщина. И оказалось, что это действительно была она. Лю Шаньмо погрузился в глубокие раздумья. Поглаживая длинный низкий столик, он сказал: «Может, это все проделки той блудницы? Так осмелеть, что обидеть меня, Лю из долины бесов! Когда она снова появится, я задам ей хорошую трепку!». Байань сказал ему: «Может быть, эта женщина при жизни была настоящим духом из долины бесов, обладала большой изобретательностью. Бог знает, сколько людей она погубила! Ты как ненастоящий дух должен уступить ей – ведь она и есть настоящий дух из долины бесов! Столица такая большая, может, тебе поискать другое место для жилья? Зачем тебе жить обязательно вместе с духом?».

Я как-то раз тоже бывал в месте, где жил потом Лю Шаньмо. Помню наискосок через улицу стоял дом с внутренним двором некоего Гэцзечжоу, где жили шесть-семь семей, но сейчас уже не смогу показать это место»¹⁷.

¹³ См.: [Цзи Юнь, 2003. С. 88].

¹⁴ 1748 г.

¹⁵ 1752 г.

¹⁶ В оригинале у Цзи Юня сказано: 埋香黄土已二十余年矣 *майсян хуанту и эрши юйнянь и* (букв. «аромат зарыт в желтую землю уже более 20 лет назад»).

¹⁷ Этот рассказ в переводе Е. Э. Войтишек (при участии проф. Ван Линь и ст. преп. Ма Миньяна) публикуется на русском языке впервые. Он не вошел в классическое издание «Записок из хижины Великое в малом», извест-

Сравнивая оригинальный текст Цзи Юня на книжном языке *вэньянь* и его перевод на разговорный язык *байхуа*, можно заметить, что если у автора XVIII в. в отношении умершей молодой женщины в тексте используется понятный в то время термин 埋香 *майсян* (букв. «закопать аромат», «захоронение аромата»), то уже в переводе на современный китайский язык это понятие передано другими оборотами: «прекрасная женщина» (漂亮的妇女 *пяолян дэ фунюй*) или «красавица, оказывается, уже умерла» (美女却已死了 *мэйнюй цюэ и сы ла*).

Таким образом, исходя из анализа вышеизложенного материала, можно предположить, что в период с эпохи Тан (VII–X вв.) до конца эпохи Цин (сер. XIX в.), во время подлинного расцвета культуры благовоний в Китае, литераторы и поэты широко использовали поэтичную метафору 埋香 *майсян* в значении безвременно умершей красавицы. Впоследствии, начиная с поздней Цин (конец XIX в.), когда западная агрессия, социальные потрясения и политические кризисы оказали негативное влияние на многие сферы традиционного уклада жизни, вместе с отмиранием важных функций аромакультуры ушел на периферию общественного сознания и целый пласт ассоциаций, связанных с этой областью¹⁸.

При этом, учитывая устойчивые традиции использования благовоний в буддийских практиках, вполне логично, что и в позднейшей погребальной культуре народов восточноазиатского региона сохранились определенные ритуалы, связанные с представлениями о важной роли ароматов курений, возносящихся к небу вместе с молитвами. В этой связи оказывается весьма примечательным уникальный вид эпиграфических памятников, сохранившихся в материковом Китае и на территории Южной Кореи.

В Китае к настоящему моменту известен чуть ли не единственный памятник такого рода. Речь идет о каменной стеле, установленной в годы Сяньфэн (1851–1861) правления императора Вэнь-цзуна маньчжурской династии Цин, в парке Таожантин (陶然亭公园) в Пекине¹⁹. Это сооружение находилось на могильном кургане императорской наложницы, на нем была выгравирована поэтическая надпись в изящном литературном стиле. На фронтальной поверхности плиты каллиграфическим почерком 篆书 *чжунань-шу* были нанесены иероглифы 香冢 *сян чжун* (букв. «ароматная могила», «ароматный могильный курган»).

На обратной стороне плиты протоуставом 隶书 *ли-шу* была вырезана надпись:

浩浩愁，茫茫劫。
短歌终，明月缺。
郁郁佳城，中有碧血。
碧亦有时尽，血亦有时灭，
一缕烟痕无断绝。
是耶非耶？化为蝴蝶。

Хаохао чоу, манман цзе.
Дуань гэ чжун, мин юэ цюэ.
Юй юй цзячэн, чжун ю бисюэ.
Би и ю ши цзинь, сюэ иу ши ме,
И люй яньхэн у дуаньцзюэ.
Ши е фэй е? Хуа вэй худе.

«Безграничная печаль, бесконечная жизнь вселенной.

Короткая песня оборвалась, яркой луны не хватает.

В роскошной усыпальнице – кровь, ставшая яшмой.

ное в изложении О. Л. Фишман. Перевод выполнен с *вэньянь* и *байхуа* по: [Цзи Юнь (эпоха Цин). Заметки из хижины Великое в малом. Ч. 2. Св. 7. Так я слышал (текст на *вэньяне*)] [清纪昀 著 阅微草堂笔记 第二部如是我闻卷七]. URL: <http://www.readers365.com/sidamingzhu/08-05.htm>; Записки из хижины Великое в малом. Св. 7. Так я слышал (текст на *байхуа*) [阅微草堂笔记 卷七·如是我闻一【白话译文】]. URL: http://blog.sina.cn/dpool/blog/s/blog_60d27f6d0100qh2r.html (дата обращения 12.01.2016).

¹⁸ О развитии китайского искусства благовоний см.: [Войтишек, Измайлова, 2014].

¹⁹ Каменная стела была расположена в Беззаботном Павильоне (陶然亭 Таожантин), что входит в число четырех знаменитых павильонов Китая (四大名亭 *сыда минтин*) наряду с Павильоном Старого бражника (醉翁亭 Цзуй-вэнтин) в пров. Аньхой, связанным с именем знаменитого литератора и видного государственного деятеля эпохи Сун Оуян Сю (1007–1072), который нередко устраивал там хмельные пиры; с Павильоном поздней любви (爱晚亭 Айваньтин) в пров. Хубэй; и с Павильоном в центре озера (湖心亭 Хусинтин), находящемся на небольшом островке посреди знаменитого озера Сиху в провинции Чжэцзян [Большой китайско-русский словарь <http://bkrs.info/slovo>. (дата обращения 15.01.2016)].

Пришло время – и яшма отдала все без остатка,
 пришло время – и алая кровь померкла.
 След от струйки благовонного дыма впредь не прервется.
 Правда это или нет, но, может быть, она превратится в бабочку...»²⁰

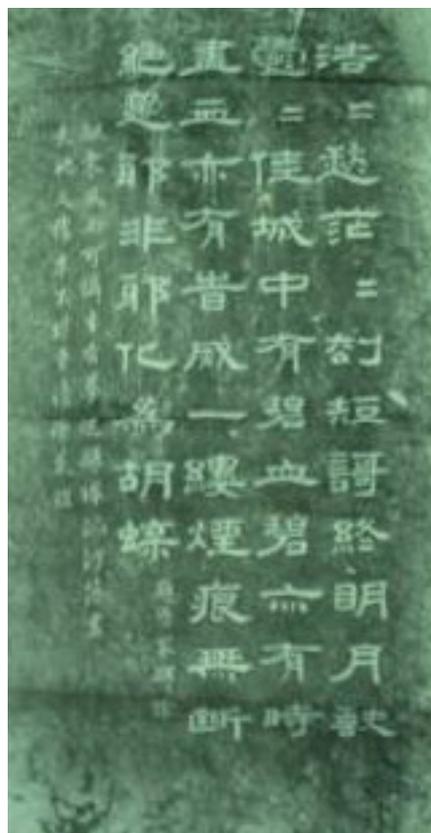
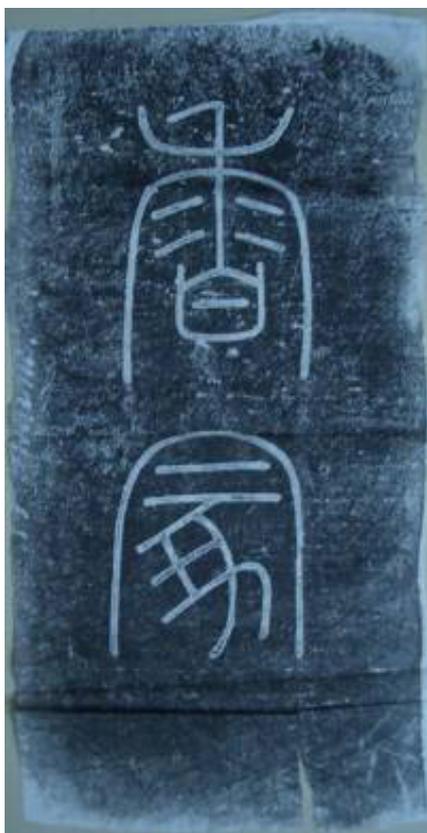

Рис. 1. Лицевая и оборотная сторона каменной стелы 香冢 *сян чжун* (установлена в сер. эпохи Цин) на «ароматном могильном кургане» в парке Таожантин (КНР, Пекин) (по данным сайта о достопримечательностях парка Таожантин в Пекине <http://wapbaike.baidu.com/view/1404223.htm?adapt=1&>)

Другое название этой плиты – 蝴蝶冢 *хуе чжун* («могила бабочки») – свидетельствует о древних народных представлениях, согласно которым души умерших превращаются в легких бабочек и кружат над цветами (рис. 1).

По некоторым данным, кроме этой надписи на плите можно было обнаружить следующее семисловное стихотворение:

飘零风雨可怜生，
 香梦迷离绿满汀，
 落尽夭桃与秣李，
 不堪重读瘞花铭。

Пяолин фэньюй кэлян шэн,
 сяньмэн мили люй мань тин,
 лацзинь яотао юй нун ли,
 букань чжунду и хуа мин.

«Моросит мелкий дождь и кружит ветер, как жаль!
 Ароматные мечты неясны, уносятся в зеленые кущи.
 Опал нежного персика и сливы цвет.
 Невыносимо хоронить в земле цветы»²¹.

²⁰ Перевод Е. Э. Войтишек. Дается по: Ароматный курган 香冢. URL: <http://wapbaike.baidu.com/view/1404223.htm?adapt=1&> (дата обращения 06.11.2015).

²¹ Перевод Е. Э. Войтишек. Там же.

Примечательно, что известный писатель, философ, ученый Чжан Чжунсин 张中行 (1909–2006), изучавший особенности влияния буддизма на китайскую литературу, в издании «Мировая культура» (世界文化 «Шицзе вэньхуа») от 20 августа 1994 г. указал, что на той памятной стеле был вырезан также и текст послесловия из 41 иероглифа:

金台始隗，登庸竞技。
十年毳毼，心有余灰。
葬笔埋文，托之灵禽，

Цзиньтай ши вэй, дэньюн цзинци.
Ши нянь маосао, син ю юй хуэй.
Цзан би май вэнь, то чжи лин,

寄之芳草。
幽忧侘傺，
正不必起重泉而问之。

цзи чжи фанцао.
Юю чачи,
чжэнь бу би ци чунцюань эр вэнь чжи.

«Золотая башня заложена высоко,
В состязании проявляются таланты.
Десять лет прошло в тоске,
Сердце превратилось в золу.
Похоронена кисть, закопаны в землю письма.
Душа поймана в ладони,
Словно ароматных трав послание.
Убит горем и разочарован.
А вдруг и не стоило мне пробуждаться? –
Спрошу я в царстве теней, обиталище мертвых»²².

На самом деле, следов этой надписи на стеле, как и самой стелы, в настоящее время не выявлено. Не проливают свет на эту тайну и результаты раскопок в парке Таожаньтин при реставрационных работах, которые проводились уже после культурной революции, – «ароматный могильный курган» так и остается пока загадкой. На его месте сейчас находится совершенно другой памятник – участнику «движения 4 мая», коммунисту Гао Цзюньюю (高君宇 1896–1925) и его боевой подруге, революционерке и писательнице Ши Пинмэй (石评梅 1902–1928). К сожалению, сам ритуал 埋香 *майсян* реконструировать также не представляется возможным – слишком гипотетическими выглядят предположения, построенные лишь на поэтических метафорах и гиперболах.

Не менее загадочными предстают каменные стелы 埋香碑 *мэханьби* (кор. «стелы, [установленные в месте] захоронения аромата»), сохранившиеся до наших дней на территории Южной Кореи. Каменные стелы, установленные на месте захоронения благовоний или перенесенные с мест их захоронения, представляют собой практически не обработанные куски горной породы. На них видны вырезанные иероглифические надписи, по которым можно в некоторой степени реконструировать ритуал захоронения фрагментов ароматической древесины (как правило, агарового дерева). Тексты надписей обычно содержат информацию о дате установки памятника, имена членов деревенской общины, проводивших ритуал, их статус и др. При этом часть знаков, вырезанных на необработанной неровной поверхности камня, зачастую невозможно распознать вследствие многолетних процессов эрозии и выветривания.

По наблюдениям южнокорейских ученых, к настоящему времени сохранилось около 20 таких эпиграфических памятников. Большая их часть находится не в центральной части Корейского полуострова, а на его юго-восточных и юго-западных побережьях, на территории современных провинций Чхунчхон-Намдо, Кёнсан-Намдо и Чолла-Намдо [Ким Онсок, 2003. С. 133]. Большинство данных памятников относится к концу эпохи Корё (918–1392), периоду наивысшего расцвета буддизма в стране. Некоторые стелы датируются началом эпохи Чосон

²² Перевод Е. Э. Войтишек. Там же.

(1392–1910), когда буддизм сохранял прочное положение в качестве государственной религии, развиваясь в условиях сотрудничества с аристократической верхушкой общества.

Рис. 2. Каменные стелы 埋香碑 *мэханби*, установленные в местах «захоронения аромата»: стела 泗川埋香碑 Сачхон мэханби (РК, г. Сачхон, пров. Кёнсан-Намдо), объект материального культурного наследия РК № 614 (установлена в 1387 г.) и 靈岩採芝里埋香碑 Йоннам Чэджири мэханби (РК, деревня Чэджири, пров. Йоннам), объект материального культурного наследия РК № 189 (установлена в 1430 г.). (Материалы поездки авторов статьи в Республику Корея в ноябре 2015 г.)

По-видимому, в Корее ритуал 埋香 *мэхан* сформировался в эпоху Корё (X–XII вв.) под влиянием китайской культуры благовоний, но со временем приобрел специфические черты. Он представлял собой процесс закапывания в землю благовонной древесины или ее воскурения, после чего на месте захоронения воздвигали памятную стелу *мэханби*, наносили иероглифическую надпись о времени, цели и месте совершения обряда. Подобные ритуалы были связаны с культом Будды Майтреи, с верой, что дым от благовоний обеспечит наступление эпохи всеобщей любви и согласия. Ритуальное «захоронение благовоний» способствовало укреплению жизни общины, а также давало надежду на долгожданное наступление «нового мира».

По всей очевидности, ритуал 埋香, зародившись в Китае, в древности был связан с погребальным церемониалом, когда тело усопшего обкладывали кусками ароматической древесины. В дальнейшем произошла трансформация содержания термина «захоронение аромата» – с эпох Тан (VII–X вв.) и Сун (X–XIII вв.) в литературе он уже встречается в значении «хоронить красавицу» (埋葬美女 *майцзан мэйнюй*). Изучение специфики ритуала 埋香 «захоронение аромата» и, шире, всей культуры благовоний в странах Восточной Азии дает возможность реконструировать особенности ритуального и бытового поведения представителей этносов всего региона, а также позволяет проводить сравнительные исследования в различных областях знаний, включая археологию, историю, литературу, культурную антропологию, искусство, медицину.

Список литературы

БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL: <http://bkrs.info/slovo> (дата обращения 15.01.2016).

Варенов А. В., Борисов Д. Э., Ибрагимова Р. Р. Погребальные конструкции Восточной Хань и Троецарствия и проблема перехода от поздней древности к раннему средневековью по данным китайской археологии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 4: Востоковедение. С. 204–218.

Войтишек Е. Э., Измайлова М. В. «Человек культуры» *вэньжэнь* и развитие китайского искусства благовоний: опыт культурно-антропологического исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 4: Востоковедение. С. 114–125.

Цзи Юнь. Записки из хижины Великое в малом / Пер. О. Л. Фишман. СПб., 2003. Золотая серия китайской литературы. 494 с.

Частное жизнеописание Чжао – Летящей ласточки / Пер. К. И. Голыгиной // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Худож. лит., 1973. С. 353–364.

Ким Онсок. Ёмальсончхо мэхан [여말선초 매향. 서울: 가톨릭대학교]. Изучение ритуала мэхан в XIV–XV вв. Сеул: Католик тхэхаккё, 2003. 175 с.

Материал поступил в редколлегию 30.01.2016

Elena E. Voytishek, Anna S. Shmakova

*Novosibirsk State University
2, Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

orient@lab.nsu.ru

«INCENSE BURIAL» RITUAL IN THE TRADITIONAL CULTURE OF EAST ASIA: FROM LITERATURE TO INSCRIPTIONS

Within the outburst of interest to national traditions as a counterbalance to current globalization processes the culture of incense (香文化) currently experiences a renaissance in East Asian countries. Each of the national variants of its development is the fascinating historical cultural phenomenon.

One of the most striking phenomena in the development of the culture of incense in China and Korea seems to be the «incense burial» ritual 埋香 (Chin. *maixiang*, Kor. *maehyang*), which is likely to be related to the funeral ceremony in the ancient times (when a dead body was surrounded by aromatic timber chips). Later in China this ceremony altered: since the Tang and Song periods this phenomenon was mentioned in the literature as «to bury a beauty» (埋葬美女). For nowadays Chinese culture of incense, this term received its narrow sense as the combustion of aromatic powder in a vessel followed by burying it in ashes.

Perhaps the only monument of *maixiang* in the territory of modern China is a stone monument that was erected in the years of emperor Xianfeng (1851–1861), coinciding with the reign of Emperor Wen-zong of the Qing (Manchu) dynasty, in the park Taorangtin (陶然亭 公园) in Beijing. This building is located in the burial mounds of the Imperial Tomb and it is engraved with a poetic inscription in an elegant literary style. The front surface of the plate bears calligraphic carvings 香冢 *xiang zhong* which is literally translated as «Fragrant tomb».

In Korea, the 埋香 ritual formed in the Koryo period (10–12th cent.) under the effect of the Chinese culture of incense it, however, acquired specific features with time. The ritual itself consisted in burying or burning aromatic timber chips. On the incense burial place a memorial stela 埋香碑 *maehyangbi* with a hieroglyphic record about the time, purpose, and place of the ritual performance was erected. Similar rituals are associated with the cult of Buddha Maitreya in which it is believed that incense smoke provides the onset of the epoch of universal love and harmony. The ritual incense burying strengthened the life of the community and also held out hope for the onset of the «new world». At present, South Korea preserves about 20 of these epigraphic monuments, the study of which makes it possible to reconstruct the features of the ritual and everyday behavior of medieval Koreans.

The investigation of the specific features of the 埋香 ritual and more generally the culture of incense provides great opportunities for comparative studies in various fields, including archaeology, history, cultural anthropology, arts, and medicine.

Keywords: culture of incense, East Asia, 埋香 («incense burial») ritual.

References

Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' [Chinese-Russian Dictionary]. URL: <http://bkrs.info/> (accessed 15.01.2016).

Chastnoe zhizneopisanie Zhao – Letjashhej lastochki [Private biography of Zhao Feiyan]. K. I. Golygina (Trans.). *Pojezija i proza Drevnego Vostoka*. Moscow, Hudozh. lit., 1973, p. 353–364. (In Russ.)

Ji Yun. Zapiski iz hizhiny Velikoe v malom [Notes from huts Great in small]. O. L. Fishman (Transl.). Sanct-Petersburg, 2003, 494 p. (In Russ.)

Varenov A. V., Borisov D. E., Ibragimova R. R. Pogrebalnye konstruksii Vostochnoi Han i Troetsarstviya i problema perehoda ot pozdnei drevnosti k rannemu srednevekovyu po dannym kitaiskoi arheologii [Burial constructions of Eastern Han & Three Kingdoms and the problem of transition from Late Antiquity to Early Middle Ages according to Chinese archaeology]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2016, vol. 15, iss. 4: Oriental Studies, p. 204–218. (In Russ.)

Vojtishkek E. E., Izmajlova M. V. «Chelovek kul'tury» vjen'zhjen' i razvitie kitajskogo iskusstva blagovonij: opyt kul'turno-antropologicheskogo issledovanija [«A man of culture» wenren and the development of Chinese incense Art: experience of the historical and culturological study]. *Vestnik Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2014, vol. 13, iss. 4: Vostokovedenie, p. 114–125. (In Russ.)

Kim Onsok. Yeomalseoncho maehyang [여말선초 매향. 서울: 가톨릭대학교]. Maehyang ritual of the end of the Koryo dynasty and early Chosun dynasty. Seoul, Catholic daehakkyo, 2003, 175 p.